

ВАСИЛИЙ ГИВРИЛЕНКО

ПОТРАПЛЕНІЕ В ГРУППУ ДЕТЛОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Гавриленко

**Попаданец в группу
Дятлова. Сборник рассказов**

«Автор»

2017

Гавриленко В. Д.

Попаданец в группу Дятлова. Сборник рассказов /
В. Д. Гавриленко — «Автор», 2017

Заглавный рассказ сборника переносит читателя в далекое будущее. Машина времени изобретена, но использует ее человечество не для благих целей. Теперь это Машина наказаний, с помощью которой казнят неугодных, перебрасывая их разум в тело человека, погибшего загадочной и страшной смертью. Заключенному ИУ-77 Андрею Островцеву выпало на долю пройти весь путь с группой Дятлова, на собственном опыте узнав, что же произошло с девятью туристами.

Содержание

Попаданец в группу Дятлова	5
У книги слабый корешок	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Василий Гавриленко

Попаданец в группу Дятлова. Сборник рассказов

Попаданец в группу Дятлова

Февральской ночью 1959 года на склоне горы Холатчахль (Северный Урал) при загадочных обстоятельствах погибла группа туристов, возглавляемая Игорем Дятловым. Что произошло с дятловцами до сих пор не выяснено.

Оглашение приговора назначили на 15.00. Это нормально. Значит, смогу пообедать в тюремной столовой под присмотром дюжих не-людей, готовых в любой момент пустить в ход разрядники.

Я пошарил под подушкой (если вывернуть наволочку – увидишь бирку: «ИУ-77»; ИУ – это Исправительное Учреждение, точно такие бирки на одеяле, простыне и даже на моих штанах). Гм. Куда же он делся?

– Литвин!

– У?

– Ты не видел мой мячик?

Сокамерник буркнул что-то вроде: «Не пастух я чертовому мячику твоему» и отвернулся к стене. Теперь будет притворяться спящим. Не любит он мой мячик, но терпит, потому что любит рассказывать истории о своем детстве, проведенном в метро. А кому их рассказывать в камере четыре на четыре? Стенам? Или лучше такому же бедолаге-заключенному?

Я свесился с постели, заглянул под кровать и сразу увидел желтое пятно в темноте. Потянулся, рискуя загреметь на пол, вынул мячик.

– Нашел? – осведомился Литвин, даже голову не повернув.

– Угу.

– Жаль.

Я усмехнулся и кинул мячик. Резиновая сфера, наполненная воздухом, понеслась к стене. Бам. Литвин издал звук, похожий на рычание пекинеса, накрыл ухо подушкой.

Я поймал мячик. И снова – в стену. И опять поймал. За месяцы, проведенные в ИУ-77, я здорово наловчился кидать мяч. Это даже Литвин признает.

Кстати, не самое худшее занятие в пространстве, любовно отпущенном Государством и администрацией. Уж получше, чем в энный раз слушать рассказы Литвина про расстрел Сокольнической линии или блокаду Арбатской. Как же надоело его ныть вкуче с этими рассказами! Чем еще можно заняться в нашей камере четыре-на-четыре накануне приговора? Ну, порыдать можно, проклиная свою долю и пытаясь донести до равнодушных, как скалы, охранников, виднеющихся из-за толстой решетки, мысль о своей невинности. Бессмысленно, конечно, но своего рода – разрядка. Литвин часто этим занимается.

Да, еще можно помечтать о Бразилии.

Не о стране, конечно, страны такой уже лет двести как не существует. О подкупольном пространстве. Говорят, это настоящий рай, там тепло, на пляжах под искусственным солнцем прогуливаются загорелые женщины. На них цветастые платья, а на шеях – ожерелья из раку-

шек. Там нет не-людей, нет недостатка в еде и в кислороде. Вот только попасть под купол дано не каждому. Это место для избранных: для чиновников и членов их семей.

Бразилией это место назвали благодаря Джеку Гореняну. Этот парень отыскал где-то старинный фильм, который так и назывался – «Бразилия», отреставрировал его и распространял нелегально среди посетителей притонов. Пока Гореняна накрыли, фильм успели посмотреть многие, и слово «Бразилия» ушло в народ.

Казнь Джека транслировали на общественных экранах. Собралась толпа и когда Ли Харви Освальд выстрелил аватару Гореняна в голову, начались беспорядки. Люди кричали «Бразилия! Мы хотим в Бразилию!». Не-люди огнеметами быстро навели порядок.

Я дотронулся до шрама на ноге, до боли в костяшках сжал мячик.

Когда начались облавы (власти разыскивали участников беспорядков), я спрятался у Инессы. Эта женщина с риском для себя и своей семьи покупала в аптеке мазь от ожогов. Не знаю, что с ней сейчас. Надеюсь, все обошлось.

Да, Бразилия...

– Литвин.

– Чего тебе?

– Как думаешь, что там, под куполом?

– В каком смысле? – Литвин дернул левой пяткой, покрытой желтоватой корочкой. – Там Бразилия. Вечный рай для избранных. Это даже детям известно...

– Знаю, – перебил я. – Но что есть рай? Солнце, пальмы? Разве этого достаточно для рая?

Литвин сел на постели, подслеповато уставился на меня.

– Ты не думай, я не спятил, – поспешил я заверить сокамерника. – Мне бы такого рая хватило выше крыши. Но им, избранным, неужели не надоедает? Не хочется чего-то другого?

Костлявая рука Литвина метнулась к тумбочке, цапнула очки.

– Эх, Островцев... Вот тебя и на философию потянуло. Значит, уже...

Я догадался, что он подразумевал под этим «уже». Литвин давно жил в этой камере, ожидая приговора, и до меня перевидал немало других сокамерников.

– Какая там философия, – вздохнул я. – Просто интересно и все. Рай... Как они определяют, эти избранные, что они находятся в раю? Это для человека, ад прошедшего, все очевидно: вот он, рай. Натуральный. А для изнеженных чинуш?

Литвин почесал нос, вздохнул.

– Пожалуй, ты прав. Да нам-то что с того? Нас ждет приговор и казнь.

– Спасибо, что напомнил, – мрачно откликнулся я, кинув мяч.

Литвин выпил водички, повздыхал-повздыхал, потом заговорил:

– А знаешь, если бы у меня был хоть малейший шанс попасть в Бразилию, то пусть это был бы городок моего детства...

– Какой еще городок? Твое детство прошло в метро, как и мое. Как и всех нас.

– Да, да, Андрей, все это так, – Литвин вдруг вскочил, заходил по камере. Глаза его блестели. – Я родился в метро, среди грязи и крыс прошло мое детство. Я видел, как муты сожрали мою мать. Но это не значит, что у меня нет городка моего детства. Он есть здесь, – сокамерник ткнул себя пальцем в лоб. – И здесь.

Литвин положил себе руку на левую часть груди.

Босой, с синеватыми, не в меру длинными ступнями, косматый, как медведь-шатун, в тюремной робе, он выглядел бы комично, если бы не печальные, подернутые синеватыми тенями, глаза. Я всегда боялся смотреть в глаза Литвина: в них жила печаль.

Сокамерник сел на кровать, таращась в стену.

– Литвин.

Он дрогнул.

– А?

- Какой он, городок твоего детства?
- Изюминск.
- Что?
- Городок моего детства называется Изюминск.
- Так какой он?

Литвин поднял глаза к потолку, выпятил челюсть. Лицо его стало напоминать наручную куклу, что веселила ребятню на Арбатской.

– Ранним утром асфальт влажный, точно проехала поливальная машина, но ее не было и в помине: поливальщик выпил на ночь лишнюю кружку пива. Цветут каштаны, сладковатый запах щекочет ноздри. Тихо. Палисадники, зеленые дома. Тополя. Желтые бочки с квасом. Колонки на улочках: можно напиться. Вода поначалу тепловатая, затем становится такой студенной, что сводит зубы...

- Островцев, на выход.

Мяч выскользнул из моих пальцев и ускакал под тумбочку.

- Прощай, братишка, – кашлянув, сказал Литвин.

Я поднялся, взглянул на сокамерника, затем – на пришедшего за мной охранника не-людя.

Как жаль, что приходится уходить, что нельзя и дальше слушать рассказы Литвина о жизни в метро. Слушал бы их до конца жизни.

Цок-цок

Шарк-шарк.

Подолы охранника, идущего следом за мной, стучат иначе, чем мои. И я знаю, почему. При разгоне горенянского бунта мне здорово досталось от не-людя. Ногой – да под ребра. Синяк (вернее, черняк) был как раз в виде металлической набойки. А некоторые из не-людей особым образом подтачивают свои набойки, чтобы при ударе вырывать клочки мяса. Изобретательные, черти.

- Стоять.

Голоса у не-людей одинаковые. Почему те умные головы, что заседают в Капитолии, не разнообразят голосовые движки своих слуг? Денег жалко, или боятся, что не-люди станут слишком похожи на людей?

Я замер лицом к стене, окрашенной в светящуюся зеленую краску. Охранник вытащил из нагрудного кармана ключ-карту, приложил к замку.

- Вперед.

Я шмыгнул в отворившуюся дверь. Нипочем не поймешь, что это помещение – столовка. Скорее, на раздевалку похоже. Едой здесь не пахнет, во всяком случае.

Ячейка для приема пищи №12. Моя, значит, ячейка. Вошел в кабинку, дверца затворилась, присел к столику.

В утробе синтезатора густо загудело; из металлического кожуха, на столик выпрыгнула пластиковая миска, затянута в целлофан.

Так, что там у нас.

Две жареные ножки не-курицы и овощи. Не так и плохо.

Я разорвал пленку, схватил ножку, стал есть. Не думал, что буду сегодня с таким аппетитом уплетать не-курицу.

Так. Пластиковую косточку обглодать. Теперь – овощи.

Звякнуло. Прием пищи закончен. Охранник отворил дверцу, уставился на меня.

- Выходи.

Я поспешно покинул ячейку.

Из столовки не-людь препроводил меня в Сектор Б. Здесь вместо стен – экраны, люди в белых халатах, совершая руками замысловатые движения, разворачивают и сворачивают на электронных табло какие-то графики. Мне досталось несколько заинтересованных, испуганных и осуждающих взглядов. Смотрите, смотрите, не жалко.

Не-людь приказал мне остановиться около двери с табличкой «МАШИНА НАКАЗАНИЙ». Пришли, значит.

– Входи.

Выходи-входи, входи-выходи. Это игра такая?

Я вошел в помещение, напоминающее ангар. Как здесь пустынно. Только у дальней стены рядом со странным сооружением, напоминающим рассеченную надвое скульптуру Давида, стоит человек.

– Проходите живее!

Это крикнул человек? Какой у него писклявый голос.

Не-людь подтолкнул меня в спину.

Я мысленно выругался, ускорил шаг.

Добротный ангар, даже пол устелен листами из какого-то блестящего металла.

Мы приблизились. Человек толстенький, усатый. Восковую лысину обрамляют курчавые волосы.

– Заключенный 9823 Андрей Островцев доставлен на место казни, – отрапортовал не-людь.

Человек уставился на меня. Глаза у него были, как у рыбы. Выпученные и холодные.

Я перевел взгляд на статую Давида. Ого! Изнутри статуя полая, как саркофаг фараона. Вот она какая, Машина Наказаний...

– Присядьте.

За Машиной Наказаний прятались стол и два стула.

Я повиновался. Не-людь встал позади.

Человек оправил белый халат и опустился на стул напротив меня. Взял со стола электронный карандаш, покрутил в коротких, толстых пальцах.

– Меня зовут Борислав Евгеньевич, – представился он, наконец. – Я назначен куратором вашего наказания.

Я кивнул.

– Вы, разумеется, представляете в общих чертах действие Машины Наказаний, – Борислав Евгеньевич причмокнул, словно во рту у него невесть откуда оказался мятный леденец. – Ее действие основано на открытии доктора Демьяненко, позволяющем перебрасывать во времени разум и саму сущность человека. Итак, мы отправляем осужденного (в данном случае, вас) в прошлое, в тело человека, погибшего ... – Куратор снова причмокнул, – страшной смертью. Есть несколько вариантов наказания, несколько исторических кровавых инцидентов... Какой именно достанется вам, определит слепой случай. Разумеется, вы можете попытаться изменить прошлое, спасти своего аватара и себя, но, уверяю вас, – Борислав Евгеньевич засмеялся. – Это бесполезно. Многие пытались спастись от неминуемого, но... – Он развел руками. – В общем, у них ничего не вышло. От судьбы, как говорится, не убежишь.

– Выродки.

– Что, простите?

– **ВЫРОДКИ!**

Что-то тяжелое улеглось мне на плечи, со страшной силой вдавив в стул.

Борислав Евгеньевич взмахнул рукой.

– Отпусти его.

Не-людь тут же убрал с моих плеч чугунные руки.

– Выродки, говорите? – Борислав Евгеньевич нахмурил лоб. – А, по-моему, это весьма гуманный способ расправляться с такими, как вы. Ведь настоящий выродок здесь один. И это не я, и даже не этот тупоголовый здоровяк, зародившийся в пробирке. Выродок – это вы, Островцев. Вы, нарушивший заведенный порядок, подстрекавший людей к бунту. А впрочем... Хотите, я прямо сейчас прикажу не-люду свернуть вам шею? Чик! – и все кончено. Как курице. Хотите?

– Нет, не хочу, – поспешно отозвался я.

Борислав Евгеньевич откинулся на спинку стула и рассмеялся.

– Вот и умница. Представьте себе, я знал, что вы так скажете. Ну, не смотрите на меня, как добрая хозяйка на таракана. Я лишь делаю свое дело.

Куратор склонил голову, придав лицу умильное выражение.

– Но приступим.

Борислав Евгеньевич ткнул в стену электронным карандашом. На стене высветились четыре картинки, расположенные одна под другой. Каждая картинка пронумерована.

На первой изображен маленький мальчик в золоченом камзоле, играющий со сверстниками; на второй – автомобиль с президентом Кеннеди и его женой; на третьей – какие-то люди, бредущие на лыжах сквозь снежную пелену; на четвертой – карета, едущая вдоль городского канала.

– Неплохо, неплохо, – обрадовался Борислав Евгеньевич. – Поздравляю, Островцев, вам попался весьма достойный набор. Невинно убиенный в Угличе царевич, застреленный президент, группа Дятленко, Александр Второй... Поздравляю.

Я процедил сквозь зубы ругательство.

– Напрасно вы так, – покачал головой куратор. – Некоторым достается много хуже. Соглашайтесь, лучше гм... потерять кусочек головного мозга от снайперской пули, чем, скажем, познакомиться со средневековой Инквизицией. Уверяю, вам уже повезло. Но посмотрим, может быть, вы и вовсе невероятный везунчик. Давайте тянуть жребий.

Борислав Евгеньевич ткнул карандашом в экран и картинки закружились, словно карусель, быстро слившись в единый пестрый круг.

Когда карусель прекратилась на стене-экране осталась только одна картинка.

– Н-да, – проговорил Борислав Евгеньевич, – Группа Дятленко. Самый худший из четырех вариантов.

Фигурки лыжников, бредущих в снежной круговерти, вселили в мою душу невнятную тревогу, но не более того.

– По крайней мере, надышитесь напоследок горным воздухом.

Я спокойно посмотрел в глаза куратора.

– Что? – он привстал, опершись руками на стол. – Послушайте, Островцев. Да знаете ли вы о группе Дятлова?

– Понятия не имею, – признался я. – Из четырех вариантов этого вашего... наказания я знаю только вариант с убийством Кеннеди.

Борислав Евгеньевич откинулся на спинку стула, лицо его приобрело сытое выражение, точно у кота, объевшегося сметаны.

– Так это же замечательно. Тем интереснее вам будет. И нам, разумеется.

Куратор улыбнулся мне. Глаза его сделались щелочками.

Борислав Евгеньевич хлопнул в ладоши и вскочил:

– Давайте же начнем основное действие.

Не-людь подвел меня к Машине Наказаний. Изнутри саркофаг выложен серебристыми чешуйками: рыба, вывернутая наизнанку.

– Прошу.

Борислав Евгеньевич взмахнул рукой, предлагая шагнуть прямо в саркофаг. Я затравлено огляделся.

– Но-но, – притворно-ласково проговорил куратор. – Уж не думаете ли вы попытаться удрать? Ничего глупее и помыслить нельзя.

Тяжелая рука легла на плечо. Не-людь подтолкнул меня к саркофагу.

Серебристые чешуйки впились в лицо, я повернулся, затравлено дыша.

Борислав Евгеньевич склонил голову набок и улыбнулся.

– Хорошей вам смерти, Островцев.

Створки саркофага захлопнулись. Я очутился в темноте.

Скоро темнота уступила место светящимся желтым точкам. Много, много светящихся точек. Мне на мгновение показалось, что я лечу в космическом пространстве, и звезды стоят передо мной. Но это были не звезды. Светящиеся точки находились в центре каждой чешуйки на поверхности саркофага.

Затем я услышал негромкое пение. Слов песни было не разобрать, но я был уверен, что это именно песня.

Светящиеся точки вдруг отделились от чешуек. От каждой точки к поверхности саркофага теперь тянулись световые нити: синеватые, яркие.

– Точка, точка, запятая, – пробормотал я, как замороженный наблюдая это маленькое представление.

Точки ринулись на меня, как пчелиный рой. Резкая боль, вспышка света, темнота и...

Щеки обожгло холодом, на спине возникла вдруг непонятная тяжесть. Я задохнулся на мгновение от сильного ветра, ринувшегося в лицо. Прямо передо мною в белой кутерьме брели лыжники с рюкзаками за плечами.

Но что это у меня в руках? Две тонкие палки с резиновыми рукоятками и кожаными ляжками. Лямки накинута на запястья, руки (в невесть откуда взявшихся варежках) сжимают рукоятки.

– Юрка!

Получив толчок в спину, я не удержался и упал лицом в снег. Странно упал: ноги мои что-то держало. Я неловко обернулся: мешал накрученный на шею шарф. Девушка-лыжница. Из-под шапочки выбилась светлая прядь, лицо раскраснелось. Девушка досадливо прикусила нижнюю губу, глядя на меня, но вдруг улыбнулась, показав ямочки на щеках и ряд белых зубов.

– Юрка! Ты чего встал, как вкопанный?

Девушка поправила лямку рюкзака.

– Поднимайся.

Я не посмел послушаться, кое-как поднялся, преодолевая тяжесть ноши. Что они напихали в рюкзак? Металлические ядра, вроде тех, которыми разгоняли демонстрацию в 2120-м?

Спереди окликнули. Мужской, грубоватый голос.

– Мы идем, – хрипловато отозвалась девушка.

Я никогда в жизни не ездил на лыжах. Какие могут быть лыжи в метро? В метро крысы, муты, рынок на Арбатской, на входе в который моя мать привлекала худыми телесами грязных подземельных «клиентов». Она делала это ради того, чтобы я не подох с голоду, до тех пор, пока однажды не подхватила болезнь, в считанные месяцы превратившую ее в развалину с изуродованным донельзя лицом. Когда она умерла, я побирался на Киевке, потом воровал. И так до Великого Выхода Народа и последующего воссоздания Стабильности.

Я ковлял, кое-как передвигая лыжи и переставляя лыжные палки, все еще не осознавая до конца, где очутился. Что-то должно приключиться со мной и с этими лыжниками, вот только что? Может, мне стоит развернуться, дождаться, пока девушка приблизится и ударить ее в лицо, вложив в удар всю силу своего нового тела (и тела, судя по всему, не самого слабого)?

Если удар получится, она вырубится и ее товарищи, бредущие впереди, ничего не расслышат, не увидят в снежной кутерьме? Я скину рюкзак, и по протоптанной лыжне отправлюсь назад... Назад? Куда – назад?

Я вспомнил ямочки на щеках, ровные белые зубы идущей за мною лыжницы. Затем вдруг перед моим внутренним взором возникло лицо моей матери накануне гибели – прорванная гниющая щека, сквозь которую виднеются черные пни зубов. Я не просил ее открывать рот, чтобы накормить похлебкой, – засовывал ложку прямо в дыру.

Смогу ли я ударить эту смешливую лыжницу?

Поразмыслив мгновение, я решил, что не смогу. Нужно найти какой-то другой выход. Вот только, какой? Ах, если бы знать, если б только знать, что мне предназначено! Проклятая Машина Наказаний! Проклятый куратор Борислав Евгеньевич!

Мы достигли опушки леса, сразу за которой начинался пологий лесистый склон горы. Слева находилось нечто, напоминающее русло заснеженной речушки.

Темные фигуры сгрудились между стволов деревьев. Раз, два, три... Семь человек. Последними с небольшой горки съехали мы с девушкой – восемь, девять.

– Юрка, Людка, вы чего плететесь! Палатку будем ставить.

Помогая друг другу, люди снимали с плеч рюкзаки. Я попытался сделать это, но не смог.

– Что сегодня с Дорошенко? То падучая у него, то рюкзак не может снять.

Ко мне подскочила девушка, имя которой, как я теперь знал – Людка, и, вцепившись сзади в рюкзак, помогла стащить надоевшую ношу.

Как хорошо, что я отказался от своего плана, и не попытался удрать, ударив эту девушку по лицу.

Люди возились на поляне, расчищали снег. Что они собираются делать?

– Юрка, дуй сюда.

Я не отреагировал.

– Да что с ним. Дорошенко!

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся: молодой парень. Лицо открытое, чистое, едва пробившаяся борода покрыта наледью.

– Тебе особое приглашение нужно?

Я приблизился к работающим людям. Чувствуя себя ослом на слоновьей ярмарке, взял в руки какую-то веревку.

– Да что он делает?!

Парень с бородкой вырвал у меня из рук веревку.

– Дорошенко, что с тобой? Ты не в себе? Отойди.

Я остался стоять в стороне, глядя, как эти странные люди доделывали свою работу. В снегу выросло приземистое тряпичное сооружение. Что это такое? Палатка? Я огляделся. Страх – липкий, холодный, как взгляд не-людя, медленно заполнил мою душу. Что будет с этими людьми? Когда? Может быть сейчас, сию минуту, сию секунду? Что мне делать? Бежать? Но куда? Лес грозно зашумел в сумерках, мои зубы принялись выбивать дробь.

– Юрка.

Я обернулся. Перед палаткой уже никого не было, только белое пятно лица выглядывало из тканевой прорези. Людка. Конечно, Людка.

– Ты на морозяке ночевать собираешься, нет? – едко осведомилась она.

Я вздохнул и полез в палатку.

Мерцает огонь в крошечной печурке, высвечивая лица людей. Только сейчас я получил возможность худо-бедно разглядеть их. Молодые лица, уверенные и красивые. Совсем

не похожи на физиономии моих современников, переживших метро. Шесть мужчин, две девушки. И я. Они знают друг друга, о чем-то негромко переговариваются, едят что-то.

– Ну, Юрка. Ну, я что, мама твоя, что ли? Почему не ешь? Игорь, что с Дорошенко?

Все взгляды устремились на меня.

Лицо молодого человека, призывавшего помочь с сооружением палатки, тревожно вытянулось.

– Юр, что с тобой?

Я только сейчас понял, что, находясь в новом теле, не произнес еще ни единого слова. Могу ли я вообще говорить?

– Я... я...

– Ну?

Что им сказать? Что болен?

Я вспомнил, как мой товарищ по краснопресненским скитаниям, Гнилыч, разобрался со сталкером Бомбомом, которого укусил заразный мут: он бил бедолагу мачете по голове до тех пор, пока та не превратилась в уродливый сизо-багровый цветок.

– Я в порядке.

Оказалось, мой голос был молодым и звонким. В реальности я говорил хрипло, покашливая и время от времени скрежеща больным горлом.

Молодой человек удовлетворенно кивнул, и приказал кому-то доставать «корейку».

Когда достали «корейку», моя голова закружилась. Мясной, сытный запах разошелся по палатке, вызвав голодный спазм в желудке.

Один из лыжников скоренько нарезал бутерброды, один протянул мне. Я взял бутерброд нетерпеливо откусил. Черт побери! Что это?! Может ли быть что-то вкуснее? Я сожрал бутерброд, немедленно потянулся за вторым.

Через некоторое время мой желудок подал сигнал: довольно. Я смотрел на огонь, чувствуя, как по телу растекается приятная истома.

– Зинка, спой, – лыжники дружно накинулись на миловидную белокурую девушку.

Та улыбнулась, достала откуда-то небольшую гитару.

Красивый девичий голос наполнил палатку:

Просто нечего нам больше терять
Все нам вспомнится на страшном суде.
Эта ночь легла, как тот перевал,
За которым исполненье надежд.

Просто прожитое прожито зря – не зря,
Но не в этом, понимаешь ли, соль.
Слышишь – падают дожди октября,
Видишь – старый дом стоит средь лесов.

Моя мать умирала страшно. Наше убежище в канализационном люке наполняли ее стоны. Они были протяжные, и, вероятно, один из ее ублюточных клиентов, случись ему пройти мимо, принял бы их за стоны страсти. Но это были стоны лютой боли. Боли, которой она не заслужила.

Мы затопим в доме печь, в доме печь
И гитару позовём со стены, иди сюда
Просто нечего нам больше беречь
Ведь за нами все мосты сожжены

Все мосты все перекрёстки дорог
Все прошёптанные тайны в ночи
Каждый сделал всё что мог, всё что мог
Но об этом помолчим, помолчим.

Она умерла в мучениях, и теперь ее телу предстояло стать добычей крыс. Я не мог этого допустить. Моя мать умерла за меня, и я должен был похоронить ее по-человечески. Тогда я впервые решил подняться наверх из метро.

А луна взойдёт оплывшей свечёй
Ставни скрипнут на ветру, на ветру,
Ах, как я тебя люблю горячо
Годы это не сотрут, не сотрут

Мы оставшихся друзей соберём
Мы набьём картошкой старый рюкзак
Люди спросят, что за шум, что за гам?
Мы ответим: ничего, просто так.

Я нес свою мать в рюкзаке: порубленную на куски, упакованную в целлофановые пакеты. У кордона на Баррикадной мне пришлось застрелить караульщика, и это был первый человек, которого я убил.

Просто так идут дожди по земле
И потеряны от счастья ключи
Это всё понятно мне, понятно мне
Но мы об этом помолчим, помолчим

Просто прожитое прожито зря,
Но не в этом, понимаешь ли, соль
Слышишь, капают дожди октября,
Видишь, старый дом стоит средь лесов.

Когда я вышел из метро, то увидел голубое небо. Оно было высоким и чистым, как моя мать. Как моя дорогая мама. Сжечь тело на костре оказалось тяжелой задачей, но я с ней справился. Пепел своей матери я развеял над городом, в котором она когда-то родилась...

– Друзья, спать, – приказал кто-то.

Я улегся на подстилку, ощущая неподалеку тепло чьего-то тела, закрыл глаза и сразу уснул.

Кошмарные сновидения давно стали частью моей жизни. Во снах меня преследовали муты, я тонул в ядовитой жидкости, падал с высоты, вновь и вновь хоронил свою мать. Но ночью в палатке мне не приснилось ничего.

– Подъем!

Я сел, ошарашено озираясь. Лыжники протирали глаза, негромко переговаривались друг с другом.

– Скорее завтракаем, – нервным голосом обратился ко всем парень с бородкой, тот, что накануне вырвал у меня веревку.

– Да, Игорь, надо торопиться, – поддержал его усатый мужчина, судя по внешности, самый старший в этой странной компании.

– Холатчахль ждет, – засмеялась Людка, доставая из мешка корейку.

Позавтракали молча, наскоро. Никто уже не шутил, не требовал песен.

Снаружи мело, красное солнце висело над склоном горы, перекрашивая в багровый цвет покрытые снегом верхушки елей.

Лыжники разобрали палатку. Я делал вид, что помогаю, стараясь держаться поближе к Людке.

– Живее, – торопил Игорь. – Нам еще лабаз нужен!

«Что такое лабаз?» – подумал я, помогая Людке сматывать кусок ткани.

– Колька, Жорка, Сашка и Рустем, наломайте лапника! Юрка, Зинка, Людка – живо копать яму!

Я заметил, что Игорь старается не смотреть на самого старшего члена группы и не отдает ему приказов.

– Держи, – Людка сунула мне в руку небольшую лопатку.

Я принялся копать снег, не понимая, зачем это нужно.

– Н-да, лабаз в снегу, – сказал усатый, закуривая. В его голосе я уловил скептические нотки.

– Времени нет, – неприязненно откликнулся Игорь. – Было бы время, сделали б лабаз по всем правилам – на дереве.

Усатый хмыкнул, но ничего не сказал.

Парни принесли еловых веток.

– Как там яма?

– Юрка, ну что ты возишься?

Игорь отобрал у меня лопату и принялся расшвыривать снег.

– Давайте вещи!

Лыжники принялись передавать Игорю различные предметы, которые тот складывал на дне ямы. Какие-то мешочки, даже ящик. Отправилась в яму и Зинкина гитара.

Наконец, Игорь закончил и легко выскочил из ямы.

– Накрывайте.

Небольшой склад исчез под слоем еловых веток.

– Ну, братцы, по коням, – сказал Игорь и направился к торчащим в снегу лыжам.

Ветер завывал в макушках елей. Я с трудом переставлял ноги, рюкзак давил так, словно половина вещей из него не перекочевала в оставшийся внизу лабаз.

Поросший еловой щетиной склон горы снизу не казался таким крутым. Здесь же каждый шаг давался с трудом.

Когда мы приблизились к вжатому промеж двух хребтов перевалу, солнце скрылось за склоном горы. Стало темно. Я едва различал бредущего впереди лыжника.

На перевале ветер усилился, и он нес с собой снег – мириады острых иголок.

Кровь стучала в голове, по спине струился пот. Я шагал, не веря, что этот перевал когда-нибудь кончится. Главное не потерять из виду спину лыжника... Не потерять спину. Если отстану – погиб.

Вдруг цепочка прекратила подъем.

Человек, идущий впереди меня, обернулся и крикнул изо всех сил:

– Юрка, привал!

Мои товарищи, превратившиеся в смутные тени, перечерченные метелью, возились с палаткой, я, как обычно, делал вид, что помогаю.

В небе завывало, словно кто-то поднял ввысь миллион младенцев, вырванных из объятий матерей. Пока мы шли по перевалу, было жарко, а теперь у меня зуб на зуб не попадал от лютого холода.

Наконец, палатка была готова, и мы смогли спрятаться от непогоды за ее тряпичными стенами.

В темноте загорелась свеча, высветив лицо Игоря. Он поднял свечу повыше, очевидно, рассматривая нас.

– Все на месте, – улыбнулся. – Ну, давайте поедим, да спать. Утро вечера мудренее.

– Как бы под лавину не угодить, – тревожно проговорил усатый лыжник.

– Александр Алексеевич, не угодим, – сказала Зина, – Правда, Игорь?

– Правда, – буркнул парень. – Какая лавина может быть на перевале? Глупости.

– Ну да, глупости, – деревянным голосом отозвался Александр Алексеевич. – Снега намело по уши, да плюс ветер. Вполне может козырек сорвать да вниз протащить. Мокрого места не останется.

– Так, – в голосе Игоря послышалась сталь. – Ужинаем – и спать.

Корейку ели молча. Людка протянула мне баночку с чем-то беловатым. Я попробовал. Попробовав, опрокинул баночку и двумя глотками опорожнил ее.

– Юрка! – Людка засмеялась. – Я же тебе дала на хлеб намазать, а ты всю сгущенку выпил.

– Спать, ребята, спать! – торопил Игорь.

Я слышал дыхание людей, с которыми меня свела Машина Наказаний. Я знал, что рядом со мной, в темноте, лежит девушка по имени Людка, посапывает слегка. А что если, словно невзначай, дотронуться до ее светлых волос? Интересно, мягкие у нее волосы, у Людки?

Я ел корейку и эту, как ее, сгущенку. Корейка и сгущенка – ничего вкуснее не пробовал.

Машина Наказаний пока что не наказала меня, а, напротив, наградила самыми приятными за всю жизнь впечатлениями. Вдруг куратор Борислав Евгеньевич ошибся, и ничего со мной и с этими ребятами не случится? Мы выполним миссию, взойдем на эту проклятую гору, возьмем там то, что нужно этому юноше Игорю, спустимся вниз и отправимся восвояси? Я мог бы остаться здесь, в этом мире. Да, здесь холодно, но зато можно по-настоящему познакомиться с Людкой. И корейка здесь такая вкусная...

Дальше все произошло очень быстро.

Страшный грохот, раздавшийся где-то снаружи, заставил меня сесть.

В палатке раздался женский крик.

– Людка? – вырвалось у меня.

Что-то ударило меня в грудь, я захрипел.

– ЛАВИНА! ЛАВИНА, БЛЯДЬ!

Страшный вопль, нечеловеческий. Следом за воплем пришел страх.

Бежать. Бежать! Прочь, прочь! Скорее!

– Не открывается! Молнию заклинило!

– Где нож?

Что-то резануло меня по щеке, но я не почувствовал боли.

Снаружи снова раздался грохот, а в палатке – треск разрезаемой материи.

– СКОРЕЕ!

Чьи-то руки толкнули меня, я выпал из палатки на снег, вскочил и бросился бежать вниз по склону. Я не думал о других лыжниках, даже о Людке. Я просто хотел оказаться подальше от этой чертовой палатки, которую с минуты на минуту накроет многометровым снежным пластом. Дары Машины Наказаний закончились. Наступило время умирать. Умирать?

Я остановился.

Сумрачные тени пронесли мимо меня в сторону темнеющего внизу леса.

– Стойте! – крикнул я, стараясь перекрыть завывания младенцев в небесной выси.

Младенцы завывали громче.

– СТОЙТЕ!

Мой вопль получился ровно таким, как тот жуткий крик в палатке: «ЛАВИНА! ЛАВИНА, БЛЯДЬ!».

Он получился точно таким, но было уже поздно. Мои товарищи исчезли из виду.

Полуголые, сонные, голодные, усталые после дневного перехода. На морозе. На этом пробирающем до костей, вымораживающем кровь морозе.

Теперь мне все было ясно. Но что я мог поделать? Уже сейчас меня колотила дрожь и я не был уверен, что смогу вернуться к палатке. А они – точно не вернутся.

Игорь.

Зинка.

Александр Алексеевич.

Николай.

Еще трое молодых и сильных парней.

И Людка.

– Людка! Лю-ю-юдка!

Младенцы завывали в вышине. Я опустил на колени. Холод сковал мое сильное, молодое тело.

Мне нужно идти к палатке. Нужно возвращаться.

– Людка!

Я никогда не видел девушку с такой улыбкой, с такими волосами. Как жаль, что я не осмелился дотронуться до них, тогда, в палатке, и проверить – такие ли они мягкие, как кажутся?

– Людка!

Случайная встреча, две-три улыбки. Ямочки на щеках. Ты была всем в моей жизни. Всем в моей грязной, пошлой, глупой и жестокой жизни. Я люблю тебя, Людка.

Я поднялся и, терзая босые ноги о снежную корку, поплелся в сторону леска.

Ранним утром асфальт влажный, точно проехала поливальная машина, но ее не было и в помине: поливальщик выпил на ночь лишнюю кружку пива. Цветут каштаны, сладковатый запах щекочет ноздри. Тихо. Палисадники, зеленые дома. Тополя. Желтые бочки с квасом. Колонки на улочках: можно напиться. Вода поначалу тепловатая, затем становится такой студенной, что сводит зубы...

У книги слабый корешок

Анна Павловна сложила в сумочку обед, расческу, зеркальце, навесила на грудь автомат и вышла из дому.

Было часов семь утра и солнце стояло достаточно высоко. У цветочной клумбы роились пчелы, где-то высоко в небе трезвонила какая-то пичуга. Анна Павловна с наслаждением вдохнула свежий воздух, улыбка появилась на ее растерзанном лице. Неторопливо сошла с крыльца.

Улица Трудовая спала. Вот уже пять лет восемь месяцев двадцать один день улица Трудовая спит.

Анна Петровна прошла мимо заросшего кустарником дома Григорьевых. Григорьевы спят. Иван Анатольевич с Марией Сергеевной спят в дальней комнате, на двуспальной кровати. Их дети – семилетний Сашка и трехлетняя куколка Маришка спят в детской комнате.

И Млечины спят, и Шибко, и Лиозовы... Спит улица Трудовая беспробудным сном. И город спит.

Анна Павловна, слегка ссутулившись, пошла по растрескавшемуся асфальту, схваченному с двух сторон зарослями малины и шиповника. Каблуки ее стучали.

Обыкновенно Анна Петровна носила удобные ботинки, найденные в магазине «Обувь для рыбака и охотника». В ботинках она совершала вылазки за продовольствием, охотилась.

Но на работу – только каблук. Как прежде. Как всегда.

Последний дом – деда Алё. В детстве Анна Павловна (тогда еще Аня), с подружкой Светой Морозюк (спит с мужем и сыном в двухкомнатной квартире на улице Ломоносова), лазали к деду в сад за клубникой. Тот, узрев нарушительниц, кричал из окна: «Алё! Алё!». На самом же деле деда Алё зовут Виктор Евгеньевич.

– Здравствуйте, Виктор Евгеньевич, – тихо сказала Анна Павловна, проходя мимо заросшего палисадника деда Алё. Ей ответила скрипнувшая на ветру сорванная с петли калитка.

Миновав Трудовую, Анна Павловна спустилась к реке Изюмке, весело гонящей по желтым камням прозрачную воду, с опаской преодолела дощатый раскачивающийся мосток. Дальше – улица Садовая, затем – Школьная.

Здание школы, наверное, самое мрачное в городе. Солнце блестит в щербинах стекол, на крыше зеленеют березки-подростки.

Ну, вот и пришла.

Анна Павловна остановилась у одноэтажного деревянного здания, внимательно осмотрелась вокруг. Вдохнув, поправила автомат и направилась к крыльцу.

У крыльца – синяя табличка с потеками ржавчины: «Изюминская городская детская библиотека. г. Изюминск». На двери – амбарный замок. Анна Павловна наклонилась к фундаменту, вытащила, как зуб из десны, отвалившийся красный кирпич, достала из тайника ключ.

Щелкнул амбарный замок, скрипнула дверь. Анна Павловна вошла в темное помещение, вдохнула родной запах. Запах старой бумаги, слегка запыленной, пропечатанной когда-то типографской краской.

Она проследовала к едва заметной в темноте конторке, поставила на нее сумку. Автомат сняла и положила во внутренний ящик.

Постояв в темноте и прислушавшись – не завелась ли крыса? – Анна Павловна направилась к окну, закрытому снаружи деревянными ставнями. Сквозь щели в ставнях пробивались лучи разгорающегося дня.

Анна Павловна взяла с подоконника масляную лампу, сунула руку во внутренний карман. Чиркнула зажигалка, строгий профиль высокой женщины лег на стену. На фитиле лампы

вспыхнул крошечный огонек, сразу же разгоревшийся и осветивший стеллажи с книгами. Корешки золотисто вспыхнули: «Толстой, Пушкин, Гоголь».

Поставив лампу на конторку, Анна Павловна придвинула стул и села.

Рабочий день начался.

Сначала она переписала набело формуляры нескольких книг – на старых чернила так расплылись, что не видны индексы. Затем настало время ремонта. С предыдущего посещения Анна Павловна наметила десять томов, которым необходимо срочное лечение. Все это были детские сказки какого-то писателя-фантаста. Детишки зачитали книги так, что корешки свернулись набок, страницы растрепались на углах и почернели от немых ручонков. Из некоторых книжек вываливаются листочки – корешки переломлены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.